Вячеслав Громов

Новеллы о Женщине

Троянский конь ✣ Паутина ✣ Последний муж

18+

Вячеслав Громов
Новеллы о Женщине

https://litres.ru/74756484
SelfPub; 2026

Аннотация

«Новеллы о Женщине» — сборник психологических новелл о любви и одиночестве, человеческих страстях, иллюзиях и непростых отношениях между людьми.

Герои новелл — люди с разными судьбами и характерами, каждый из которых по-своему пытается найти счастье, обрести свободу и почувствовать полноту жизни. Одни прячутся от мира за стеной собственного одиночества, другие плетут тонкие сети обольщения и манипуляций, третьи пытаются изменить свою жизнь, не замечая, как сами становятся пленниками своих желаний.

В центре повествования — тонкая игра человеческих чувств, где любовь соседствует с эгоизмом, искренность — с обманом, а стремление к близости порой оборачивается жестоким разочарованием. Неожиданные повороты сюжета позволяют взглянуть на привычные отношения с неожиданной стороны, а ирония и философские размышления героев придают историям особую глубину.

Вячеслав Громов
Новеллы о Женщине

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

«У нее нежные ноги, ибо она не ступает на твердую землю, а ходит только по головам людским»
Гомер. "Бедоносная Ату"

В ночи слабым огоньком надежды горело окошко в бревенчатом домике, приютившимся на песчаной сопке у озера. У окна стоял мужчина, он смотрел, как дождь заливал землю с бешеной силой, давая представление о всемирном потопе. Вода поступала с такой скоростью, что земля не успевала ее впитывать, и бурным потоком, огибая домик со всех сторон, скатывалась к озеру.

Мужчина усмехнулся мысли, что его дом сейчас напоминал Ноев ковчег, где, спаслись «каждой твари по паре», а остальных людей, погрязших в грехе, смыли очищающие воды. Но у него не было пары, и он не смог дать продолжение человеческому роду. Как получилось, что он остался один?

Это произошло не сразу. У него были друзья, но особенно близкий только один, погибший в археологической экспедиции, и он старался пореже вспоминать об этом. А остальные … Память действует подобно кривому зеркалу, она со

временем делает изображение более красивым или уродливым, чем сам оригинал. Они давно не виделись, их образ высох, словно египетская мумия, и превратился в нечто абстрактное, как идея о всеобщем счастье. Друзья – это, конечно, самая прекрасная вещь на свете, но они требуют слишком много душевных сил для поддержания отношений, дробят твою целостность. Мы, наверное, цепляемся за друзей и вообще за людей, пытаясь расширить таким образом свое маленькое существование, но, как ни крути, мы рождаемся, живем и умираем в одиночестве … Он относился к ним хорошо просто по привычке. Наверняка сейчас их собака значила для них больше, чем он. Встреться они сегодня, вряд ли они смогли бы быть искренними – вот враги, всегда искренни, но у него не было и врагов. У него была возлюбленная – ушла, они не прожили вместе и года. Она безошибочно угадала своей проклятой женской интуицией, которая давала ей возможность знать, минуя неповоротливый механизм разума, что в нём живёт вирус одиночества. Она была молода и хороша собой, хотела бывать в обществе, демонстрировать свои бесконечные наряды – он не осуждал ее. … Уходя, бросила:

– Никто не заметит, когда тебя не станет!

Верно. Он не стремился оставлять после себя «светлую» память и другие памятники собственному тщеславию. Хотя, если быть до конца честным с самим собой, был период в его жизни, когда ему хотелось славы, признания, но это бы-

ло так давно … Он уже восемь лет жил в полном уединении, даже не завел собаку – ему хотелось абсолютного одиночества. Отгородился от всего мира, как в крепости, но люди осаждали ее. Они ждали от него определенных реакций, надежности, то есть предсказуемости. Они не хотели оставлять его в покое. Постепенно он перестал раздражаться, научился хладнокровно отбивать их атаки. Наконец, его оставили в покое:

– Чудак, бирюк – ну что с ним поделаешь?

Контакты с ним свелись к самому необходимому минимуму. Он вспомнил чьи-то строчки: «и живые, поняв, что с него больше не будет толку, поскорее забрасывают его желтой глиной и спешат прочь». Да, он умер для них, так же как и они для него, но все же холод одиночества временами донимал его, и тогда его тянуло погреться у костра человеческих отношений, но не слишком близко и не каждый день.

Порывистый ветер с силой ударял веткой в окно.

– Давно пора спилить ее, – отметил он про себя мимолетно. Нет, это кто-то отчаянно стучал в стекло, рискуя его разбить. Прислонясь к стеклу, стал всматриваться в темноту. На него смотрело лицо женщины. Вода струйками сбегала у нее с подбородка, спутавшиеся мокрые волосы упали на глаза, в них читалось отчаяние. Он отшатнулся назад. Сердце тревожно застучало. Она снова забарабанила, что-то крича ему.

Наконец он пришел в себя и отворил дверь. Она уже стояла на пороге. Это была молодая женщина в легком платьи-

це, с которого потоками стекала вода. Зубы у нее стучали от холода. Она заплакала.

– Господи! Да пустите же, наконец.

– Я вынужден это сделать. – Он отодвинулся, давая ей пройти.

Едва войдя, она увидела пылающий камин и бросилась к нему, оставляя на полу длинный мокрый след.

– Ну вот, от этих людей одни неприятности, – недовольно подумал он.

Она всем телом потянулась к огню и, казалось, была готова залезть туда целиком. Мужчина немного смягчился, видя ее страдания.

– Вам надо во что-то переодеться. Вот только халатов и вообще ничего женского у меня нет, но могу поделиться последней рубашкой.

Все еще стуча зубами, она благодарно кивнула. Он неторопливо подошел к шкафу с уверенностью человека, который точно знает, где лежит каждая вещь в его доме, достал толстую рубашку и пару шерстяных носок.

Она беспомощно огляделась.

– Но, где же мне переодеться?

Переодеваться действительно было негде. Домик из бревен, срубленный им в свое время на вершине сопки и сброшенный к её основанию, был невелик. Вся обстановка состояла из стоящей в углу кровати, небольшого диванчика, над которым расположились полки с книгами до самого по-

толка, довольно большого стола, придвинутого к окну, и одного «венского» стула; да на стене старые часы с гирьками неспешно отсчитывали время.

– Даже не думайте, что в такую непогоду я выйду на крыльцо: могу повернуться к вам спиной, – ехидничал он.

– Спасибо, этого достаточно. – Она произнесла эти слова с такой теплотой, что ему стало стыдно за свой тон.

– Там на гвоздике полотенце, – сказал он, поворачиваясь спиной. – Что с вами случилось?

Он услышал, как шлепнулось на пол ее мокрое платье, и воображение тут же включилось в работу, рисуя ему живописные картины. Он отогнал видения, для надежности даже мотнув головой.

– Мне надо в Орехово.

Он знал этот провинциальный городишко в тридцати километрах отсюда.

– Я всегда ездила по шоссе, а тут посмотрела карту – получалось, что я срежу приличный кусок, если поеду проселочной дорогой. Вот и попробовала, – вздохнула она.

– Вам не надо было сворачивать с шоссе. Эта дорога, на самом деле, заканчивается тупиком.

Она кивнула: – Теперь-то я поняла, что ошиблась. … Сначала чуть не завязла, а потом меня тряхнуло на колдобине, и машина совсем заглохла. Что я ни делала, завестись так и не удалось. Стартер крутит, а мотор не запускается. Я в этих «железяках» ничего не понимаю. Да еще этот ливень. Мне

стало страшно остаться ночью в лесу одной, тут я заметила, через деревья светится чье-то окошко. Вот и решила обратиться за помощью. Может быть утром, когда рассветет … вы посмотрите?

Из ее слов само собой выходило, что она здесь собирается ночевать.

– Ловко! – все еще с досадой, что нарушают его так оберегаемое одиночество, подумал мужчина.

– А зеркало у вас есть?

– Зеркало? – казалось, он роется в памяти, вспоминая, что собой представляет эта вещь.

– Кажется … Не помню, куда его положил.

Он не верил, что это с ним происходит. В его «берлоге» ходит женщина, требует зеркало, снимает платье – бред какой-то.

– Мою сумочку передайте, пожалуйста, только не оборачивайтесь.

Смутные воспоминания из прошлой жизни подсказывали ему – это надолго. Его бывшая возлюбленная могла битый час просидеть перед зеркалом, «делая» себе лицо. Она то приближалась к нему вплотную, то окидывала себя издалека, то щурила, то распахивала глаза, словно пробуя переключатель «ближнего» и «дальнего» света фар.

– Мне бы стульчик, – попросил он.

– Ой, извините, но он мне сейчас очень нужен. Я быстро.

Приходилось нести свой крест стоя. Он подумал, что же-

лание женщин в любой ситуации выглядеть привлекательно имеет силу инстинкта. Они, как правило, не задумываются или говорят, что это нужно просто им самим, а природе совершенно безразлично, что они думают: важно, чтобы они слушались её команд, ей надо, чтобы они были желанны. Этот инстинкт очень силен, он продолжает действовать, даже когда в этом пропадает всякий смысл, и принимает иногда формы, способные вызвать грустную улыбку. То, что люди воспринимают желания природы как свои собственные, говорит только о том, что она умеет добивается результатов и правит миром с фатальной неизбежностью. Любое рожденное ею существо, хочет оно или нет, будет решать задачи, поставленные перед ним.

Не прошло и получаса, как он услышал ее радостное:

– Ну вот и всё, я готова!

Он обернулся. Перед ним стояла незнакомка в его рубашке с закатанными рукавами, которая едва доходила ей до колен, демонстрируя стройные ножки. Он взглядом, словно карандашом, обвел контур её фигуры – она была совершенна. Все черты молодости и женственности заявляли о себе в полный голос. Есть женщины симпатичные или с очаровательной «изюминкой» – никакого «изюма», она была по-настоящему красива. В лице доминировали огромные карие глаза и чувственные губы. Красота заранее склоняет в свою пользу – она похожа на аванс. Он давно уже не видел такого хорошего лица. Природа могла заслуженно гордиться своим созда-

нием. Оно было исполнено гармонии и грации. В её глазах светилась спокойная уверенность в своих силах и доброжелательность.

Он успокоил себя: жизнь со временем пройдется резцом забот по её лицу, оставляя неизгладимые следы; движения тела будут выбирать траекторию, приносящую минимальную боль; она нарисует не дружеский шарж, а злобную пародию…Но это все впереди, а пока на него смотрела сама молодость, и ему было трудно отразить её взгляд.

Он усмехнулся: – Здорово сделано!

– Спасибо, конечно, но нельзя же рассматривать так беззастенчиво, – сказала она мягко.

– Женщины тоже это делают, только не так открыто, – парировал он.

Что же она могла увидеть? Высокого мужчину лет сорока пяти с тёмными волосами, которые кое-где тронула седина; его интеллигентному лицу придавал неожиданный оттенок мужественности глубокий шрам, идущий ото лба до самого подбородка. Он опирался на палку, чему причиной, видимо, была покалеченная нога.

Мужчина проследил за ее взглядом.

– Это животные должны поддерживать идеальную форму, чтобы выжить, а человек научился приспосабливаться: есть в этом что-то искусственное. Вам не кажется? Старые и больные должны умирать – нечего вмешиваться в законы природы.

– Но мы не животные, – робко возразила она.

– Человек – царь животных, значит сам главное животное.

Она улыбнулась и забавно повела плечами, словно говоря: « Ты ведь на самом деле так не думаешь?»

– Вы, наверное, голодны?

Она сузила глаза и обнажила зубы.

– Как самое хищное животное!

Он предложил ей разделить с ним его немудреный ужин, с которым она расправилась в два счета, успевая расхваливать его на все лады.

– Вы просто проголодались, а голод лучший повар.

Её опять потянуло к огню. Она присела на корточки у самого камина, протянула к нему руки ладонями вперед. Свет от огня почти насквозь просвечивал сквозь её узкую ладонь с длинными пальцами. Неосознанным движением человека, натерпевшегося холода, женщина подбросила в камин пару поленьев. Он увидел, как зажглись восторгом её глаза, когда пламя охватило их. Ей нравилось кормить из своих рук этого ненасытного, беспощадного зверя, который сейчас ласковым котёнком перепрыгивал с полена на полено, но в любой момент мог превратиться в силу, все пожирающую на своем пути. Она сейчас была где угодно, но только не здесь, а он-то боялся, что она надоест ему болтовней и расспросами.

– Знаете, у вас вид абсолютно счастливого человека, – не удержался он от признания.

Она улыбнулась задумчиво и уже знакомым жестом пожа-

ла плечами, но ничего не ответила. В ней напрочь отсутствовало женское кокетство, которое он терпеть не мог.

– А что, по-вашему, важнее: счастье или ум? – сам удивляясь своей разговорчивости, спросил мужчина.

– Конечно, счастье! – Он и не сомневался в ее ответе. Мужчина прошелся по избе с видом школьного учителя.

– Тогда я расскажу вам старую китайскую притчу.

Она подперла голову рукой как послушная ученица, всем своим видом изображая чистый лист бумаги, на котором он мог написать свои великие истины.

– Поспорили однажды Ум и Счастье – кто из них важнее для человека. Долго они спорили, но так и не смогли убедить друг друга. Наконец решили попробовать свои силы на первом же встречном человеке. Им оказался бедный крестьянин. Он пахал на старой кляче свой маленький тощий клочок земли. Жизнь давалась ему тяжело – он едва сводил концы с концами. Сжалилось над ним Счастье и завалило его землю золотыми слитками. Но тут вперед выступил Ум и отнял у старика последний разум. Схватился тот за голову и побежал к богатому соседу, крича: «Опять несчастье на мою голову! Помоги. И так из сил выбился, так ещё и весь мой участок какими-то желтыми камнями завалило». Богатый сосед с удовольствием «помог» ему, увозя на своей телеге «желтые камни», а старик еще долго благодарно кланялся ему вслед. Рассердилось Счастье и отвернулось от людей.

– И какая отсюда мораль? – тихо спросила она.

– Мораль проста. Мы рождаемся совсем не для того, чтобы быть счастливыми. Природе, создавшей человека, не надо, чтобы он был счастлив. Счастливый человек ничего не хочет менять, двигаться вперед, а ей надо его непрерывное становление, поиск, неудовлетворенность – вот она и гонит его по жизни, страдания преследуют его, как тень – тело. Он должен постоянно доказывать ей свое право на существование, иначе она вычеркнет его из своих списков. Ей важно сохранить только род, и плевать она хотела на отдельного индивидуума. Посмотрите на всю историю человечества – одно и то же кино, меняются только человеческие декорации, а сцены, отношения, интересы – все те же. Всё живое с бешеной энергией отстаивает идею своего вида: оттесняя, пожирая, уничтожая конкурентов. Кто берет силой, кто многочисленностью популяции. Быть может, поэтому на свете нет справедливости, равенства … Это было бы сытое и самодовольное общество.

Она встрепенулась.

– Вам кажется, что нас обманули? Заставили жить и страдать, не зная, зачем всё это, для чего, какой в этом смысл? Что люди, как пузыри на воде после дождя, появляются и лопаются, так ничего и не поняв?

Мужчина отметил про себя: она понимает, о чём он хотел сказать. Но её глаза были полны возмущения.

– Вы ошибаетесь! Мир прекрасен – посмотрите! В нем можно и быть счастливым. Вот послушайте, как может сжи-

мать человеческое сердце настоящее чувство:

Пока я глядела,
Вдруг наступила зима.
Берег залива,
Где дикие утки гнездятся,
Подернулся тонким ледком.

– А это совсем про вашу берлогу:
Дверь хижины в горах
Осенена ветвями сосен,
Не знающих весны.
Прерывистою цепью капель,
Сочится талый снег.

– Разве вы не чувствуете, как больно и как прекрасно быть человеком?

– Как больно – чувствую. – Душа его от долгого одиночества потеряла защитную оболочку, утратила иммунитет к жизни; он остро чувствовал все её горячие движения вокруг себя. Мир не мог обмануть его, он больше не попадется в его ловушки, но ей удалось затронуть в нем самые тонкие струны, и они зазвучали.

– Это и правда красиво. Что это?

– Японская танка – пятистишье. Одно время я увлекалась ей, когда училась на филфаке. В нее положен прин-

цип «юген» – можно перевести, как темная, скрытая красота. Их написала в XII веке одна из дочерей императора Сикиси-Найсино. И с тех пор еще люди не разучились чувствовать так же глубоко… Правда, не всем дано, но это не их вина.

– Вы хотите сказать, что Судьба раздает карты, а нам остается только играть?

Она отбросила рукой волосы, упавшие на глаза.

– Мне кажется, судьба в большинстве случаев оказывается просто платой за собственные ошибки … хотя, я уверена, всё что происходит, происходит с неотвратимой необходимостью; и дело даже не в умении быть счастливым, думаю, это задано рамками индивидуальности от рождения, то есть предрасположенностью к счастью.

Он задумчиво прошелся взад и вперед.

– Знаете, первая половина жизни, в которой находитесь вы, проходит в ожидании счастья. «Туман, в тумане струна звучит … хорошо». Кажется, все впереди, все ещё возможно … Что сбудется? О чем мечты? Но время идет, и всегда чего-то не хватает, что-то мешает. Говорят, что «счастливые часов не наблюдают» – просто они не замечают своего существования. Если человек серьезно, без эмоций задумается о своей жизни, он, в конце концов, придет к мысли: «лучше бы мне не родиться». Вторая половина жизни, в которой нахожусь я, проходит под знаком заботы, как избежать различных несчастий. В вашем возрасте мир стучался в мою дверь, и я замирал от любопытства: «кто это?», а сейчас: «кого там

черт принес?». Я вырос без компьютеров и туалетной бумаги, и, наверняка, кажусь вам динозавром …

Тут он заметил – она его не слушает. Обхватив ноги руками, она мирно спала, положив голову на колени. По щеке разлился нежный румянец, волосы спадали вниз тяжелой каштановой волной. Мужчина засмотрелся на нее. Неважными и пустыми стали все слова. Само Счастье спало в двух шагах от него, даже не подозревая об этом. Она находилась в замечательном возрасте для женщины, когда была уже достаточно умна, но еще бесконечно романтична. А он? Он, отчасти, перерос житейские наслаждения, отчасти умер для них, находя в одиночестве свою родную стихию. Одиночество – это чувство находится в интимной связи с настоящей ценностью человека. Можно обмануть людей, но не себя. Чем больше человек имеет в себе самом, тем меньше нуждается во внешнем мире и тем меньше значения имеют для него остальные люди. Одаренный человек и в пустыню вдохнет жизнь – своими мыслями. Он долго смотрел на счастье людей, пока не понял – их счастье ему не подходит …

* * *

На дворе давно наступила глубокая ночь. Ливень стих так же внезапно, как и начался. Ветер переменился и разогнал остатки рваных, низко летящих облаков. На небе появилась луна, серебристой дорожкой пробежалась по озеру, загляну-

ла в избушку, высветил на полу квадрат окна. Дрова в камине прогорели, кое-где вспыхивая красными угольками.

Женщина подняла голову.

– Я, кажется, задремала? – сказала она с обезоруживающей простотой.

– Не задремала, а спала, как самый последний сурок, – уточнил он.

Стуча палкой, подошел к шкафу, достал подушку, простыню и покрывало; положил их на диванчик.

– Укладывайтесь.

Постоял немного, раздумывая. Достал со шкафа моток веревки. Один конец привязал к вешалке, другой – к оконной ручке; накинул одеяло, получилось что-то вроде ширмы перед ее диванчиком.

– Ложитесь, ложитесь … – скороговоркой проворчал он. Она сонно улыбнулась.

– Спасибо. Я еще немного подремлю.

Через минуту послышалось её глубокое ровное дыхание.

Он тоже прилег на свою кровать, но сон не шел к нему. Ночные мысли протекали в ином русле от дневных и были не похожи на них, как ночь и день. Они вливали яд сомнения в важность и смысл дневных забот. Ни одно утро не оправдывало надежд и обещаний, которые сулило. Мало-помалу сон сморил его.

Ему приснился его старый сон, он знал его наизусть. Радость от встречи с ним заранее омрачалось знанием, чем он

закончится. В прозрачной воде речки, среди желтых камней, описывая круги, плавали три огромных рыбины с золотистыми боками; у него каждый раз замирало сердце – такие они были красивые и величественные. Они звали его с собой – скользить в прохладной глубине, где все они вместе будут чувствовать себя такими счастливыми, свободными … но он никак не мог решиться, и просыпался в отчаянии от своей нерешительности.

Но сегодня он проснулся от её вскрика. Она что-то бессвязно бормотала, потом затихла. Ещё раз вскрикнула. Неужели ей знаком ночной кошмар? Он потихоньку подошел к ее «ширме». Светало. Ночь не совсем ушла, но и рассвет не набрал еще силы – время сумерек, как пробуждающееся сознание человека после глубокого сна. Он начал отодвигать покрывало; у него возникло неловкое чувство, что он подглядывает за спящим, пока он беззащитен. Собрался вернуться, но тут она опять горячо забормотала. Ни слова разобрать не удалось. Он решительно отодвинул покрывало, на него смотрели её огромные глаза, как тогда – через стекло. Он невольно отшатнулся, зрачки были расширены, в них горел какой-то нездоровый огонь. На него напало оцепенение, по всему телу пробежался холодок, не пропуская ни одной клеточки. Мужчина сделал шаг вперед, но её глаза продолжали смотреть на то место, где он был секунду назад – она просто не видела его. Тихонько потрепал ее по плечу – тело горело огнем. Положив ладонь на лоб, понял, что у неё

сильный жар.

– Только этого не хватало, – проворчал он про себя.

Сознание возвращалось к ней. Взгляд стал осмысленным, она узнала его.

– Что со мной? – голос ее был слаб.

– По-видимому, вы вчера здорово продрогли под ливнем, у вас настоящий жар.

– Ничего, я сейчас встану. Мне надо ехать. – Она предприняла героическую попытку приподняться, опершись на локоть, но и это далось ей с видимым трудом. Она откинулась на подушку. Слабо улыбнулась.

– В голове, словно расплавленный свинец переливается.

– Лежите уж, – проворчал мужчина.

– На ваше счастье, у меня в доме есть всё, чтобы поднять вас на ноги. – Ему, как Робинзону Крузо, приходилось рассчитывать только на себя. Это трудный путь, зато самый верный. Он постарался сконструировать мир вокруг себя по принципу: чем автономнее – тем лучше. Приходилось следить за своим здоровьем. На крайний случай подобрал неплохую аптечку, её дополняли лекарственные травы, растущие в округе. Не то чтобы он очень носился со своим здоровьем, просто терпеть не мог, если тело начинало отказывать из-за какой-нибудь хвори. Ему уже было жалко времени; это в юности есть иллюзия, что перед тобой лежит бесконечность.

Он немедля принялся за дело. Помог ей перевернуться на

живот, решительно задрал на ней рубашку и, достав склянку со спиртом, растер ей спину, пытаясь сбить температуру. Этот простой и надежный способ давал быстрое облегчение. Его руки сразу оценили нежность, бархатистость её кожи, и их усердие, пожалуй, переходило границу отношений «врач-пациент». В маленькой кастрюльке вскипятил воду, подбрасывая туда какие-то травы, растертые коренья. Выглядел он очень колоритно: всклоченные волосы, в одной руке палка с набалдашником в виде головы пантеры, в другой – черпак, которым он постоянно помешивал в кипящей кастрюльке. Вдобавок он скороговоркой ворчал в полголоса:

– Всё моя проклятая доброта. Нет, чтобы полностью употребить её на себя, так нет же – всё ближнему, а разве сам я себе не есть самый что ни на есть ближний? Ближе просто не бывает. Можно бы ограничиться простой вежливостью … хотя вежливость придумали, чтобы не замечать недостатки друг друга.

– Всё. Готово! Понимаю – это не апельсиновый сок, но надо выпить.

Она шутливо отбивалась:

– Вы меня не отравите?

– Господи! Вы что, богатая наследница, а я ваш единственный дядюшка?

– А кто-нибудь до меня это зелье уже пробовал?

– Я! И, как видите… Вы намекаете, что можете стать такой же ворчливой и старой?

– Я не совсем это хотела сказать, но мне нравится, как вы мыслите.

Они легко понимали друг друга. Это можно назвать «симпатией крови». Почувствовав облегчение, она забылась спокойным целительным сном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.